

**ДРЕВНЕРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
ОБРЯД И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗБРИЖСКОГО
МОГИЛЬНИКА) ***

Ю.В. Степанова, Д.В. Пежемский, Е.Н. Жукова

В статье исследуется погребальный обряд и палеоантропология древнерусского населения Верхневолжья по материалам курганного могильника Избрижье одного из наиболее полно изученных древнерусских погребальных памятников на территории Тверской области. Суммируя результаты исследований погребального обряда и (впервые) антропологических материалов, авторы приходят к выводу, что материалы Избрижья имеют аналогии в синхронных древностях Смоленской (в элементах погребального обряда и женских украшениях) и Новгородской земли (в бытовых предметах, оружии, керамике). Авторами прослеживается, что мужская часть населения Избрижья по краниологическим данным наиболее сходна с популяциями Новгородской земли, и в целом избрижская община в своей основе состояла из потомков смоленских кривичей, но в её составе присутствовали выходцы из Новгородской земли.

Ключевые слова: погребальный обряд, Древняя Русь, Верхневолжье, хронология, курган, могильник, украшения, оружие, керамика, палеоантропология, палеодемография

Предлагаемая статья освещает результаты новых исследований материалов Избрижского могильника – одного из крупнейших и наиболее полно изученных раскопками древнерусских погребальных памятников Верхневолжья.

История исследования курганного могильника у д. Избрижье охватывает более ста лет. Хорошая сохранность памятника, удачное географическое расположение (близость к административному центру, хорошее транспортное сообщение) послужили одними из основных причин для плодотворного полевого изучения археологического комплекса и введения в научный оборот результатов проведенных на нем экспедиционных работ. Группа расположена на левом берегу р. Волги (рис. 1), наибольшее количество зафиксированных в группе насыпей составляло 141 курган, из них 95 в разные годы были раскопаны.

Раскопки на памятнике проводились со второй половины XIX по конец XX в.: в 1879 г. – В.Я. Щербаковым¹, в 1882 г. – В.И. Сизовым², в 1961 г. – С.С.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Тверской области, проект № 07-06-96403.

¹ Сведения о раскопках и курганах по Тверской губернии (1872–1891) // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 221. Л. 8, 147.

² Императорский российский исторический музей: Указатель памятников. М., 1893. С. 191–193.

Ширинским³, с 1975 до 1992 г. – Ф.Х. Арслановой⁴, с 1993 по 1997 г. – Е.В. Скукиной (Лагуткиной)⁵.

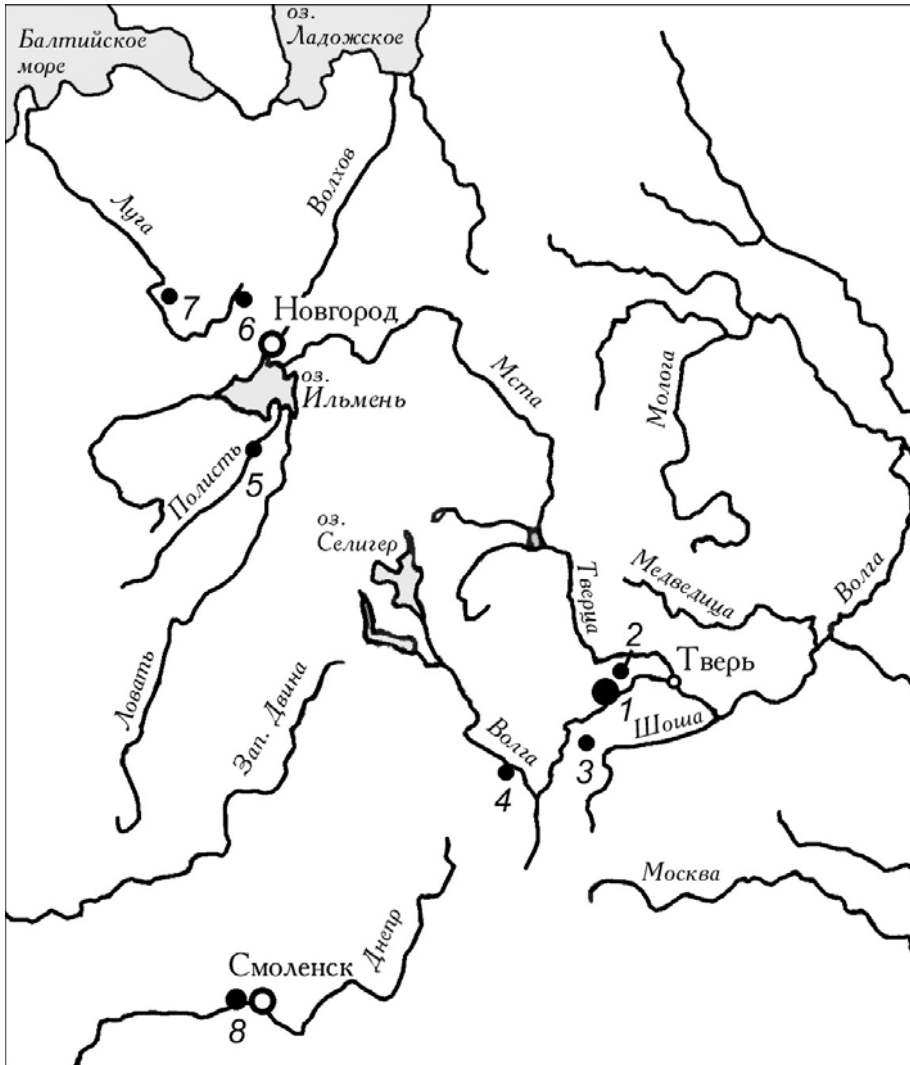

Рис. 1. Курганный могильник Избрижье и погребальные памятники Верхневолжья, Новгородской и Смоленской земли древнерусского периода, материалы которых использованы для сравнительного палеоантропологического анализа:

1 – Избрижье; 2 – Тухино; 3 – Клеопино (Кокорево); 4 – Юрятино; 5 – Старая Русса; 6 – Хрепле; 7 – Удрай; 8 – Гнездово

³ Ширинский С.С. Отчёт об археологических работах на Верхней Волге за 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 4898.

⁴ Арсланова Ф.Х. Могильник у села Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988. С. 155–166.

⁵ Скукина Е.В. Погребальные памятники Тверского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Первая научная интерпретация материалов раскопок Избрижья была предложена А.А. Спицыным в рукописи «Археологический очерк Тверской губернии»⁶. На основе классификации, построенной в результате анализа вещевого материала и погребальных обычаев, курганы у с. Избрижье А.А. Спицын отнёс к категории «собственно Тверских курганов», распространенных на территории бывших Тверского, Старицкого, Зубцовского, частично Ржевского и Корчевского уездов Тверской губернии, которые «... есть не что иное, как переработка Смоленских, т. е. это курганы Смоленского типа XII – XIII в. ...»⁷.

В конце 40-х гг. XX в. к материалам Избрижья обратилась Т.Н. Никольская. Ею были выделены территориально-хронологические группы погребальных памятников Верхней Волги⁸. Три кургана (№ 4, 5, 9) из могильника Избрижье (раскопки В.И. Сизова) были включены исследовательницей в выделившуюся в результате анализа культурно-территориальную группу погребальных памятников «... по верхнему течению р. Волги с притоками», которая охватывает «территорию юго-восточной части Осташковского уезда, Ржевский, Зубцовский, Старицкий, Тверской и Корчевской уезды бывшей Тверской губернии»⁹. В другой работе Т.Н. Никольская рассмотрела хронологически значимые типы вещей и особенности погребального обряда и выделила две стадии курганов с труположениями на Верхней Волге: 1) XI – первая половина XII в.; 2) вторая половина XII – XIII в. В Избрижье были выделены погребения обеих стадий¹⁰.

С начала 1980-х гг. материалы Избрижского могильника начинает публиковать Ф.Х. Арсланова. В отдельных статьях ею были рассмотрены отдельные элементы погребального обряда: погребальные сооружения¹¹, керамику¹², костюм¹³. Общая характеристика погребального обряда Избрижья была представлена ею в двух статьях¹⁴. Могильник был отнесён Ф.Х. Арслановой к культуре кривичей, хронология избрижских курганов была определена как конец X–XII вв. Некоторые

⁶ Спицын А.А. Археологический очерк Тверской губернии // Архив ТГОМ. Ф. 3-1. Оп. 1. Д. 267.

⁷ Спицын А.А. Указ. соч. С. 31.

⁸ Никольская Т.Н. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее – КСИИМК). М.; Л., 1949. Вып. 30. С. 31–41.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Никольская Т.Н. Этнические группы Верхнего Поволжья XI – XIII вв. // КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. 24. С. 69.

¹¹ Арсланова Ф.Х. Погребальные сооружения кривичей у села Избрижье // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989. С. 33–49; *Она же*. Погребения под «сводом» у села Избрижье // Плесский сборник. Плес, 1995. Вып. 2. Ч. 1. С. 26–39.

¹² Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991. С. 74–103; *Они же*. Орнамент древнерусской посуды Избрижья // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь, 1993. С. 49–63.

¹³ Арсланова Ф.Х. Языческие символы в одежде женщины первой половины XI века (по материалам у с. Избрижье) // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. 1. С. 72–80.

¹⁴ Арсланова Ф.Х. Курганы у села Избрижье // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 94–109; *Она же*. Могильник у села Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988. С. 155–166.

особенности инвентаря (наличие эсоконечных височных колец, цепочек, «усатых» перстней, отдельные формы керамики) и погребальных сооружений (деревянные домовины) были интерпретированы ею как признаки финно-угорского влияния.

В 1990-х – начале 2000-х гг. избрижские материалы изучал целый ряд исследователей. Е.В. Лагуткина основное внимание в своих работах посвятила характеру погребального обряда. При использовании системного и информационного подходов к изучению археологических древностей она выделила 10 типов погребальной обрядности 97 погребальных комплексов Избрижья¹⁵. Ю.В. Степановой материалы Избрижья привлекались в рамках изучения древнерусского погребального костюма. На основе данных Избрижского могильника были выделены варианты костюма с учётом социально-возрастных показателей¹⁶, ею была исследована хронология памятника и особенности погребального обряда¹⁷.

Кроме того, в последние три десятилетия были проанализированы и систематизированы отдельные категории предметов из коллекции Избрижья. И.А. Сафарова исследовала древнерусские стеклянные украшения¹⁸, Е.Н. Жукова – состав керамической погребальной посуды¹⁹, М.М. Толмачёва – технологию изготовления изделий кузнечного ремесла²⁰.

Таким образом, несмотря на то, что находки из Избрижья изучались достаточно подробно, без специального рассмотрения и обобщения остались некоторые элементы погребального обряда, в частности, ориентировка погребенных, а также украшения и бытовые предметы. Большая палеоантропологическая коллекция, сохранённая благодаря усилиям Ф.Х. Арслановой, до настоящего момента оставалась не изученной. Кроме того, материалы Избрижья не часто рассматривались в широком контексте погребальных древностей Верхневолжья, хотя выводы А.А. Спицына, полученные ещё в начале XX в., не потеряли своей актуальности до настоящего времени. Настоящая работа освещает результаты обобщения данных о погребальном обряде и впервые представляет характеристику древнерусского населения Избрижья по данным палеоантропологии.

Погребальный обряд. В этой статье мы предлагаем обратить внимание на круг аналогий отдельных категорий вещей и элементов погребального обряда Избрижья и в целом сочетание всех элементов обряда, что позволяет прояснить происхождение и характер формирования древнерусского населения Избрижья.

¹⁵ Скукина Е.В. Указ. соч.

¹⁶ Степанова Ю.В. Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневолжья X–XIII вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2003.

¹⁷ Степанова Ю.В. К вопросу о хронологии Избрижского погребального комплекса // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). М., 2002. Вып. 213. С.80–87; *Она же*. Особенности погребального обряда Избрижского некрополя X – XIII вв. // Новоторжский сборник. Торжок, 2004. Вып. 1. С. 97–105; *Она же*. Керамика Избрижского погребального комплекса X – XIII вв. // КСИА. М., 2005. Вып. 218. С. 139–149.

¹⁸ Сафарова И.А. Бусы Избрижского некрополя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3. С. 65–93.

¹⁹ Жукова Е.Н. Коллекция керамики Избрижского погребального комплекса // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Минск, 1998. Т. 2; *Она же*. Гончарство древнерусской деревни Тверского Поволжья X – XIII вв. // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 15–23.

²⁰ Толмачёва М.М. Предметы вооружения из могильника Избрижье (к проблеме контактов в кузнечном ремесле) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2004. Вып. 4. С. 376–381.

Прежде всего в погребальном обряде Избрижья прослеживаются черты, характерные для курганных древностей Смоленской земли, что уже было отмечено А.А. Спицыным. К ним относится количество и характер совершения погребений в курганах. Около 35 % избрижских насыпей содержат впускные захоронения. В курганах, содержащих основные погребения конца X – середины XI в., впускные захоронения сделаны лишь в 21 % насыпей. 50 % курганов с основными погребениями второй половины XI – XII в. имеют впускные захоронения. Прослеживаются разные способы их совершения: на выровненном участке существующей насыпи, в яме, сделанной в существующей насыпи; с последующей ее досыпкой, без досыпки. При досыпке высота кургана могла значительно увеличиваться – на 0,5 – 1,5 м. При этом могли углубляться существующие рвы. На наличие впускных захоронений как характерную особенность курганов X–XIII вв. Смоленской земли обращали внимание Е.А. Шмидт²¹ и В.В. Седов²². Такой способ сооружения курганов рассматривается исследователями как продолжение погребальной традиции культуры длинных курганов. На территории Верхневолжья наибольшее количество курганов с впускными захоронениями сосредоточено в Ржевском, Зубцовском, Старицком и Калининском районах Тверской области – территории, как бы прилегающей к устью р. Вазузы.

Интересные выводы получены и в результате изучения височных колец (найжены в 90 % женских погребений). В Избрижье, как и на большей части территории Верхневолжья, преобладают браслетообразные височные кольца с завязанными концами, рассматривающиеся как этноопределяющий признак смоленских кривичей. В погребениях раннего этапа существования Избрижского некрополя (XI в.) зафиксированы браслетообразные височные кольца с двумя завязанными концами (рис. 2: 1–4). На следующем этапе (вторая половина XI – середина XII в.) распространены браслетообразные височные кольца с одним завязанным концом (рис. 2: 5,6), либо с небрежно перекрученными концами, как правило, более грубые по технике исполнения (рис. 2: 7,8). Именно такие кольца являются наиболее характерными для Избрижья, а также для многих других погребальных комплексов, расположенных на территории современных Осташковского, Селижаровского, Ржевского, Зубцовского, Старицкого и Калининского районов Тверской области, что позволяет рассматривать их как тверской вариант браслетообразных височных колец с завязанными концами.

К курганам Смоленской земли заставляют обратиться отдельные комплексы погребального костюма и находки керамики. Так, некоторые женские уборы сопроваждались, помимо височных колец с двумя завязанными концами, обрубленноконечными браслетами и бубенчиками, которые характерны для женских погребений смоленских курганов (например, для курганной группы Харлапово XI–XIII вв.). Наиболее показательным в этом отношении является курган № 109 Избрижья, где костюм погребенной женщины включал браслетообразные височные кольца с двумя завязанными концами, выполненные из тонкой проволоки, с аккуратно закрученными концами, подпоясанную одежду, украшенную бубенчиками. Руки женщины украшали две пары бронзовых круглодротовых браслетов с обрубленными и со скругленными концами, пластинчатые прямые и «усатые» перстни.

²¹ Шмидт Е.А. О некоторых особенностях курганных погребений XI – XIII вв. в земле смоленских кривичей // Новое в археологии. М., 1972. С. 147, 148.

²² Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / Археология СССР. М., 1982. С. 163.

В этом же погребении найден лепной сосуд (рис. 2: 13), по форме и орнаментации аналогичный керамике VIII–X вв. культуры смоленских длинных курганов²³.

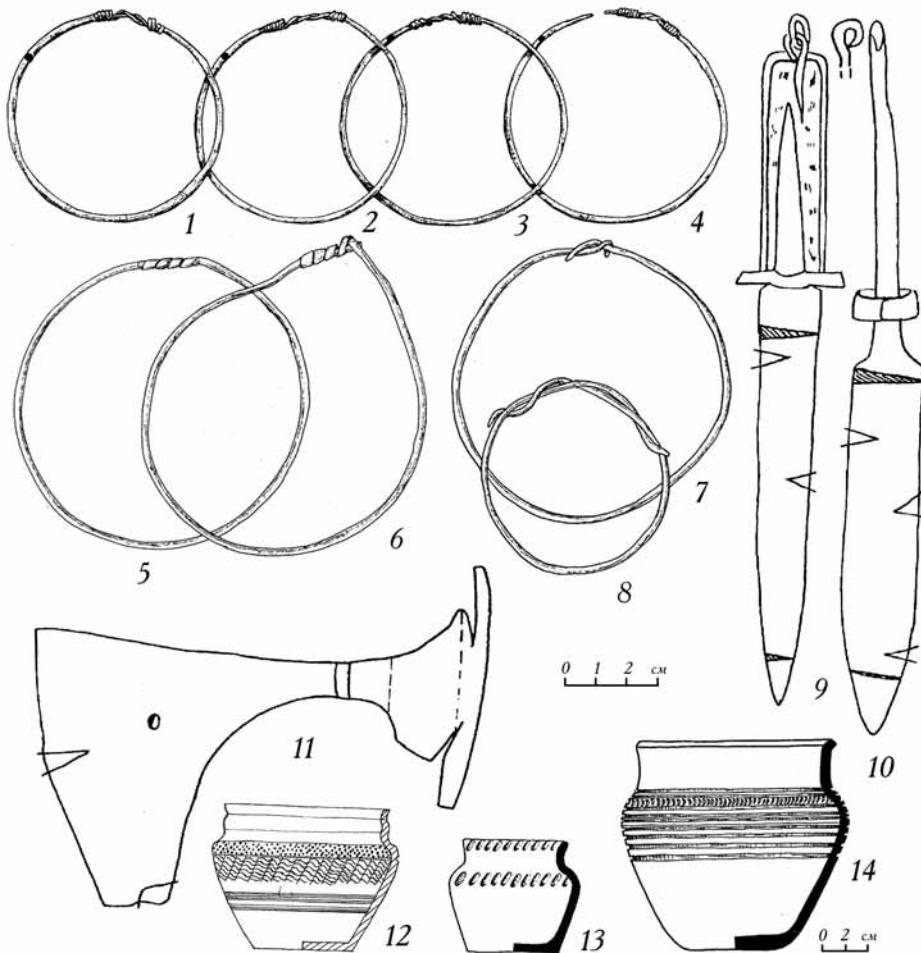

Рис. 2. Предметы из погребений Избрижского могильника:

1–8 – височные кольца; 9, 10 – боевые ножи; 11 – боевой топорик; 12–14 – керамика. 9–11 – рисунки даны по публикации М.М. Толмачёвой (Толмачева, 2004)

Большинство же украшений женского и мужского костюма, найденных в Избрижье, имело широкое распространение на территории Древней Руси. В частности, большинство браслетов и перстней, цепочки, круглые привески, бубенчики, пряжки можно отнести к общедревнерусским типам украшений.

В погребальном обряде Избрижья выявлены также черты, указывающие на северо-западное направление культурных связей. Прежде всего это особенности технологии изготовления отдельных предметов вооружения – боевого топорика

²³ Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. С. 83–90.

(рис. 2: 11), боевых ножей (рис. 2: 9, 10), наконечников копий. Так, ножи по форме и технике изготовления наиболее близки образцам из Центральной и Северной Европы, включая Прибалтику. В целом эти предметы по характеру кузнечной технологии имеют аналогии в Прибалтике и Новгородской земле²⁴.

В Избрижье также найдены два круговых сосуда (курганы № 108 и 134), которые находят аналогии в поморской керамике типа Фрезендорф-Тетеров (рис. 2: 12, 14). В Новгороде керамика этого типа является одной из древнейших форм круговой посуды, и границы ее бытования определяются с 930-х гг. до середины XII в.²⁵ Эти сосуды имеют вертикальную шейку и украшены сложным орнаментом из рядов линий и отпечатков штампа. В Избрижье эти сосуды найдены в погребениях, относящихся к раннему этапу существования могильника (XI в.).

Таким образом, при анализе материалов Избрижья чётко выделяются 2 круга аналогий – с древностями Смоленской и Новгородской земли. Следует отметить, что если аналогии со смоленскими курганами прослеживаются в элементах погребального обряда и женских украшениях, то аналогии в древностях Новгородской земли – в отдельных категориях вещей (найденных преимущественно в мужских захоронениях).

Физические особенности населения Избрижья. Палеоантропологические материалы из Избрижья, позволяющие изучить физические особенности населения XI–XIII вв., являются крупнейшей палеоантропологической коллекцией, из всех когда-либо собранных в Верхневолжье и сохранных до настоящего времени. При этом нельзя сказать, что мы располагаем материалом хорошей сохранности. Посредственная сохранность большинства скелетов имела место, судя по всему, уже в момент полевого археологического исследования. Следует, однако, отметить, что очень бережное и вдумчивое отношение авторов раскопок к костному материалу (не так уж часто встречающееся) позволило максимально полно сохранить коллекцию и передать ее на государственное хранение в НИИ и Музей антропологии МГУ (2005 г.). Отметим к тому же, что древнерусское население, как исследуемого региона, так и других территорий, бывает крайне редко представлено большой серией скелетов, происходящих из одного местонахождения. В этом отношении Избрижье занимает одно из первых мест. Долговременное хранение скелетных материалов в не приспособленных для этого помещениях привело к тому, что для начала потребовалась работа по составлению описи и соотнесению антропологических материалов с конкретными погребениями, а в некоторых случаях – даже восстановление этикетажа. Сверка проводилась с использованием сохранившихся полевых описей. Результатом стал аннотированный список скелетных останков из Избрижья.

Краниологическое и остеологическое исследования проводились по классической для отечественной антропологии схеме²⁶. Описание зубной системы проведено по П. Брокá (степень стёртости). Для оценки значений остеометрических

²⁴ Толмачёва М.М. Указ. соч. С. 378, 379.

²⁵ Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М. Типология и хронология новгородской керамики X – XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и новгородская земля: История и археология. М., 2001. Вып. 13. С. 88, 90. Рис. 2, 3 (тип I).

²⁶ Martin R. *Lerbuch der Anthropologie*. Bd.1. Leipzig, 1928; Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966; Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика археологических исследований. М., 1964.

признаков привлекались рубрикации абсолютных величин, составленные В.В. Бунаком²⁷. Все оценки и реконструкции проведены по правой стороне скелета.

На данном этапе исследования палеоантропологических материалов Избрижя получена достаточно большая серия половозрастных определений (90 индивидов), проведено краниологическое изучение наиболее сохранившихся черепов и морфометрическое исследование всех длинных костей скелета. В данной работе в кратком изложении представлены первые результаты, которые в будущем, после завершения всех работ по реставрации материала могут быть несколько уточнены.

Палеодемографическая характеристика. Древнерусская популяция Избрижя, как выяснилось, обладает целым рядом специфических особенностей половозрастной структуры, которые не позволяют считать эту структуру нормальной (табл. 1, рис. 3). В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие костей новорожденных и детей до 1 года. Количество всей детской части популяции в целом занижено. При этом наблюдается резкое увеличение количества людей старческой возрастной когорты, старше 55 лет. Допустим, что особенностью населения Избрижя является повышенная стертость зубной системы (данные для этого имеются) и налицо систематическая ошибка определения возраста, но дело в том, что возраст определялся по комплексу признаков – по состоянию зубной системы, швов черепа, костей посткраниального скелета. Это исключает систематическую ошибку. Можно высказать предположение, что условия жизни в Избрижье в древнерусскую пору были столь благополучны, что большинство населения доживало до старческого возраста, однако это маловероятно, да и законы естественной убыли должны были сформировать иное распределение возрастных когорт. Высокий процент смертности в возрасте 25–35 лет – как раз такой «обычный» показатель, в том числе и превышение женской смертности над мужской, что обычно связывается с осложнениями при родах.

На наш взгляд, это объяснение требует корректировки, так как по данным других наук начало репродуктивной функции в традиционных обществах приходится на более ранний возраст. Малочисленность в популяции Избрижя людей зрелого возраста в сочетании с завышенным процентом стариков говорит о каком-то факторе ассортативности, возможно даже обрядовой. Вопрос этот требует дальнейшей разработки.

Таблица 1.

Половозрастная структура древнерусского населения Избрижя*

Возраст / Пол	Мужчины	Женщины	Оба пола
Infantilis I (до 6 – 7 лет)	-	-	11 (12,2 %)
Infantilis II (до 12 – 13 лет)	-	-	9 (10,0 %)
Все дети	-	-	20 (22,2 %)
Juvenilis I (до 18 – 20 лет)	1 (- %)	3 (- %)	4+1 (5,6 %)
Juvenilis II (до 25 лет)	4 (6,2 %)*	3 (4,6 %)	7 (7,8 %)
Adultus (25 – 35 лет)	8 (12,3 %)	10 (15,4 %)	18 (20,0 %)
Maturus I (35 – 45 лет)	3 (4,6 %)	7 (10,7 %)	10 (11,0 %)

²⁷ Бунак В.В. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах (сравнительная характеристика двух групп) // Вопросы антропологии. М., 1961. Вып. 7; Мамонова Н.Н. Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблем эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.

Maturus II (45 – 55 лет)	4 (6,2 %)	2 (3,1 %)	6 (6,7 %)
Senilis (старше 55 лет)	14 (21,5 %)	10 (15,4 %)	24 (26,7 %)
Все взрослые (без Juv I)	33 (50,8 %)	32 (49,2 %)	65 (72,2 %)
<i>Вся популяция</i>	<i>90 (100 %)</i>		

* Процентная характеристика возрастных когорт у мужчин и женщин дана от количества взрослых, а не от общего числа индивидов.

Краниологическая характеристика. Мужские черепа характеризуются большим продольным и малым поперечным диаметрами (табл. 2), что определяет мозговую коробку долихокранной формы, черепной указатель (74,8) – близкий к мезокранной категории. Высота свода мозговой капсулы большая, лобные и затылочные кости средней ширины. Лицевой отдел узкий, верхняя высота лица – на границе малых и средних значений, по указателю лицо имеет средние пропорции. Горизонтальная профилировка лица характеризуется малым назомаллярным углом²⁸ и очень малым зигомаксиллярным²⁹, что определяет клиногнатное строение лицевого скелета. Глазницы низкие как по абсолютным, так и по относительным характеристикам. Носовой отдел имеет средние пропорции, но по абсолютным значениям грушевидная апертюра (от лат. *apertura* – вырезка) узкая. Переносье высокое и широкое, как по абсолютным значениям, так и по симотическому указателю³⁰.

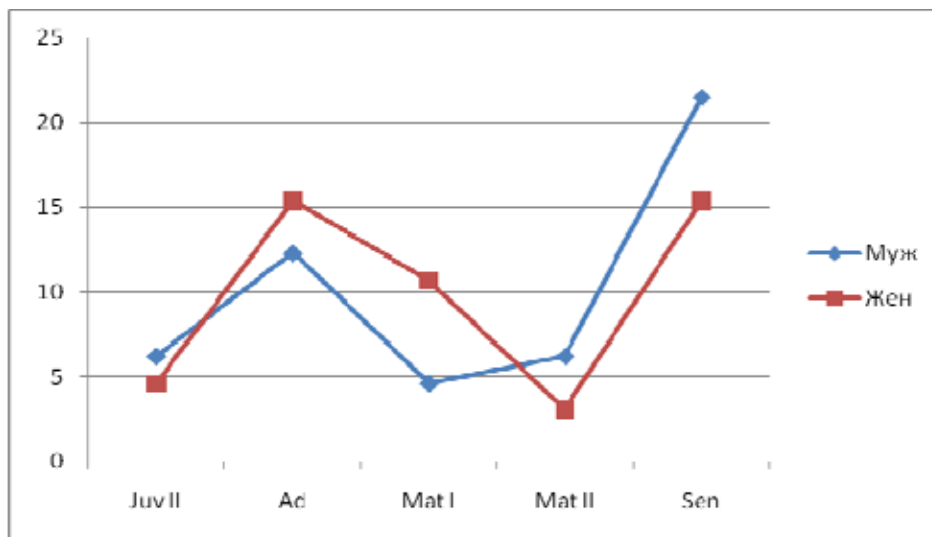

Рис. 3. Половозрастные особенности взрослой части популяции Избрия

²⁸ Назомаллярный угол – один из углов горизонтальной профилировки лицевого скелета, измеряемый на уровне глазниц.

²⁹ Зигомаксиллярный угол – один из углов горизонтальной профилировки лицевого скелета, измеряемый на уровне скуловых костей.

³⁰ Симотический указатель – относительный краниометрический показатель – отношение симотической высоты к симотической ширине, которые в свою очередь являются измерительными признаками переносицы.

Таблица 2.

**Краткая краниометрическая характеристика древнерусского населения
Избрижья**

Признак, № по Р. Мартину	Мужчины (n=10)			Женщины (n=6)	
	X	S	n	X	n
<i>Мозговой отдел черепа</i>					
1. Продольный диаметр	184,8	5,0	10	178,3	6
8. Поперечный диаметр	138,2	4,6	10	133,8	6
8:1. Черепной указатель	74,8	3,4	10	75,1	6
17. Высотный диаметр	137,9	4,7	9	130,4	5
9. Наименьшая ширина лба	97,7	4,6	10	93,5	6
12. Ширина затылка	110,3	2,3	10	107,0	6
<i>Лицевой отдел черепа</i>					
45. Скуловой диаметр	129,8	6,3	9	125,2	6
48. Верхняя высота лица	68,8	3,8	8	64,6	5
48:45. Верхний лицевой указатель	53,0	2,7	7	51,3	5
51. Ширина орбиты	42,0	1,7	8	40,4	6
52. Высота орбиты	32,7	1,6	9	31,3	5
52:51. Орбитный указатель	77,7	3,2	8	76,8	5
55. Высота носа	48,5	1,5	10	47,0	6
54. Ширина носа	24,2	1,3	10	24,5	5
54:55. Носовой указатель	49,9	2,4	10	52,0	5
SC. Симотическая ширина	10,3	5,3	10	9,7	6
SS. Симотическая высота	4,4	1,3	9	3,6	6
SS:SC. Симотический указатель	50,2	7,6	9	36,8	6
77. Назо-малярный угол	137,8	5,6	10	139,9	6
$\angle Zm'$ Зигма-максиллярный угол	121,8	3,5	8	132,3	4

Женские черепа характеризуются большим продольным размером и, по сравнению с мужчинами, не столь узкой мозговой коробкой, что определяет и несколько больший черепной указатель (75,1), относящийся уже к мезокранной категории. Высота свода средняя, близкая к большим значениям признака. Лобные и затылочные кости средней ширины. Лицевой отдел черепа среднеширокий и средневысокий, имеющий горизонтальную профилировку средней степени. Орбиты низкие, как по абсолютным, так и по относительным показателям. Нос средней ширины и средних пропорций. Переносье очень развитое – широкое и высокое, при этом имеющее средние пропорции. В результате сравнения краниологических комплексов, присущих мужской и женской частям популяции, удалось зафиксировать некоторые отличия в строении мужских и женских черепов. Так, женщины менее узкоголовые и не столь высокосводны. В отличие от мужчин, у них среднеширокое, а не узкое лицо. Кроме того, у женщин не такое клиногнатное³¹ лицо, более широкий нос и не столь широкое, как у мужчин, переносье. Все эти отличия, за исключением горизонтальной профилировки лица и его ширины, могут быть

³¹ Клиногнатность – степень горизонтальной профилировки лицевого скелета, при которой корень носа и подносая точка значительно вынесены вперед, углы горизонтальной профилировки лица при этом характеризуются малыми и очень малыми значениями.

связаны с погрешностью выборки и не имеют какого-то большого смысла. Дальнейшая работа должна прояснить этот вопрос. Необходимо отметить, что среди краниологических материалов Избрижья имеется несколько сильно разрушенных черепов, не поддающихся измерению, но представляющих крайний интерес. Насколько можно понять по фрагментам, эти черепа мезо- или брахикранны, с низким сводом, низким и очень широким лицом и широким носом. Этот краниологический тип хорошо узнаваем, в лесной полосе Восточной Европы он распространен с эпохи каменного века и связывается исследователями с народами, говорившими на финно-угорских языках.

Остеологическая характеристика и реконструкция телосложения. В результате неравномерной представленности материала посткраниальными скелетами мы имеем пока очень предварительную остеологическую характеристику и реконструкцию конституционального габитуса. Тем не менее, этот малочисленный и плохо сохранившийся скелетный материал является нашей единственной возможностью хоть в какой-то степени описать физические особенности изучаемой популяции. Длина тела (рост), восстановленная по трем формулам – Г.Ф. Дебеца, К. Пирсона и В.В. Бунака – описывается значениями выше среднего: у мужчин 168 – 170 см, у женщин 158 – 160 см. Малочисленность женских костей обуславливает то, что вопрос об их морфологических особенностях оставлен нами до пополнения материала. Мужская же часть популяции может быть охарактеризована с точки зрения скелетной конституции (табл. 3).

Таблица 3.

Морфометрическая характеристика длинных костей из могильника Избрижье; мужчины

Признак, № по Р. Мартину	Xd	n	Xs	n
H1. Наибольшая длина	340,3	5	333,5	3
H2. Общая длина	338,9	4	331,5	2
R1. Наибольшая длина	255,7	3	252,6	4
F1. Наибольшая длина	450,7	9	453,4	8
F2. Длина в ест. положении	447,4	8	449,6	9
T1. Общая длина	374,0	6	365,9	5
T1a. Наибольшая длина	380,6	6	367,4	7
Интермембральный указатель	70,8	2	70,1	2
Лучеплечевой указатель	76,2	3	75,5	2
Берцовобедренный указатель	83,9	4	81,9	5
Плечебедренный указатель	74,4	3	72,7	2
Лучеберцовый указатель	67,4	2	66,9	2

Плечевые кости мужчин имеют большую длину, в отличие от средней длины лучевых и бедренных и большеберцовых костей. Интермембральный указатель, как нам кажется, при имеющейся сохранности материала не отражает истинного положения дел. Лучеплечевой указатель относится к категории мезатикеркия, т. е. среднее, гармоничное соотношение размеров плеча и предплечья. Судя по плечебедренному указателю, плечевая кость имеет тенденцию к увеличению длины, что собственно, видно из больших абсолютных значений. Лучеберцовый указатель дает представление об удлинённой относительно предплечья голени, что подтвер-

ждает и берцовобедренный указатель. Таким образом, характерными чертами скелетной конституции избрижских мужчин являются рост выше среднего, удлиненная относительно предплечья и бедра голень и удлиненное (как относительно, так и абсолютно) плечо.

Сравнительный анализ, позволяющий вписать краниологические особенности популяции Избрижя в синхронное морфологическое многообразие, необходимо предпослать описанием одного важного момента. Дело в том, что отечественная палеоантропология в методическом и методологическом отношении прошла очень непростой путь развития. На уровне организации материала это отражалось следующим образом. Во второй половине XIX – начале XX в. уделялось внимание отдельным выборкам, как бы мы сейчас сказали, конкретным палеопопуляциям. При этом работы были несовершенны в методическом отношении (измерительная техника и анализ цифрового материала), так что использование этих данных сейчас носит крайне ограниченный характер. Позитивным моментом здесь можно назвать то, что в этот период публикуется довольно много индивидуальных данных, которые с некоторыми оговорками могут использоваться и в современных работах. Однако в этот же период была заложена нездоровая тенденция рассматривать большие массивы данных, организуя их по принципу современного административного деления. Советская палеоантропология первой половины – середины XX в. обладала более совершенной методической базой, с той лишь оговоркой, что анализ цифрового материала проводился эмпирически, без применения методов многомерной статистики, которая и сама находилась пока в стадии разработки. В этот период из палеоантропологических работ начали исчезать индивидуальные данные. В отношении организации материала произошли следующие изменения: большие серии стали формироваться по принципу «широких мазков», т. е. с усреднением данных по относительно обширным территориям, – конкретная палеоантропологическая выборка, или палеопопуляция, начала теряться в больших пластах формализованной краниометрической информации. К этому стоит добавить, что группировка материала продолжала зачастую следовать тем или иным единицам современного административного деления без оглядки на то, что расселение древних популяций имело крайне слабую историческую связь с этим делением. Для славянских средневековых выборок группировка проводилась по археологическим культурам или летописным «этносам». Для палеоантропологических публикаций второй половины XX в. характерно почти полное исчезновение индивидуальных данных при широком применении методов многомерной статистики, которая, при всей своей позитивности, подменила собственно морфологический анализ. В отношении группировки материалов сохранялся метод «широких мазков», но в отдельных работах начал проследиваться возврат к палеопопуляции – тенденция, которая на рубеже XX – XXI вв. стала приобретать все более четкие контуры. Именно в этом отношении рассмотрение отдельных выборок с территории Тверского Поволжья является современным и крайне своевременным. К счастью, для такой работы трудами Т.И. Алексеевой были созданы благоприятные условия – опубликованы большие массивы индивидуальных данных по средневековым славянским популяциям Восточной Европы³². Эти данные теперь могут быть использованы для создания детальной картины древнего популяционного многообразия по данным краниометрии.

³² *Alekiejewa T. Wschodniosłowiańskie czaszki z kurhanów plemiennych. Wrocław, 1966.*

Именно в связи с этим обстоятельством, кроме материалов Избрижья, в рамках настоящего исследования была проведена проверка и переатрибуция всех средневековых палеоантропологических материалов из раскопок XIX – начала XX в., происходящих с территории Тверской области и сохранившихся в фондах Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ (Пежемский, Степанова, в печати). В общей сложности были выявлены материалы из 23 пунктов, определена их принадлежность к конкретным памятникам и, частично, погребальным комплексам. Заметим, что большинство выборок не сопоставимо с Избрижьем по численности, что заставило нас ограничиться пока взаимным сравнением небольшого их количества. Итак, к настоящему моменту, кроме выборки из Избрижья, нами были изучены ещё три, наиболее представительные в численном отношении, выборки (табл. 4) – из Тухино (5 черепов, правый берег р. Тьмы), Клеопино-Кокорево (9 черепов, правый берег Волги) и Юрятино (7 черепов, устье р. Лочи, при впадении ее в Волгу). Мужские черепа из Тухино характеризуются среднелиннй узкой, резко долихокранной (72,7) мозговой коробкой с высоким сводом, узким и низким лицом, очень низкими орбитами и среднешироким носом. Серия из Юрятино сходна с серией из Тухино, но отличается не столь резкой долихокранией (75,4), более низким (средневысоким) сводом мозговой капсулы и среднешироким лицом. Прочие признаки в этих двух сериях очень близки. Серия из Клеопино (Кокорево) заметно отличается от описанных выше. Она обладает большим продольным и средним поперечным диаметрами, что определяет ее умеренную долихокранию (73,9), высоким сводом черепа, узким и низким лицом, низкими орбитами, заметно более высокими, чем серия из Тухино и Юрятино, и среднешироким носом, что является вполне органичной чертой в ряду уже описанных выборок. Сравнивая серию Избрижья с этими данными, заметим, что по большинству признаков (иногда даже не на уровне категорий, а по прямым цифровым совпадениям) она близка серии из Кокорево. Отличительными чертами являются лишь более широкий лоб и больший скуловой диаметр, остающийся, правда, в той же оценочной категории и заметно более узкий нос, что, впрочем, диссоциирует со всеми имеющимися у нас данными по тверскому Поволжью. Таким образом, выявлено, что краниологические выборки, происходящие из одного микро-региона (Кокорево и Избрижье), обладают большим сходством, нежели более отдаленные выборки р. Тьмы и Лочи (Тухино и Юрятино).

Таблица 4.

Сравнительная краниометрическая характеристика древнерусского населения Верхневолжья; мужчины

Признак, № по Мартину	Юрятино ¹	Кокорево ²	Избрижье ³	Тухино ⁴
1. Продольный диаметр	182,7	186,3	184,8	183,0
8. Поперечный диаметр	137,7	138,6	138,2	133,0
8:1. Черепной указатель	75,4	73,9	74,8	72,7
17. Высотный диаметр	133,4	139,6	137,9	139,7
9. Наим. ширина лба	98,9	94,4	97,7	95,6
45. Скуловой диаметр	133,8	126,3	129,8	128,7
48. Верхняя высота лица	65,1	68,4	68,8	65,5
52. Высота орбиты	31,1	32,8	32,7	31,0
54. Ширина носа	26,1	25,6	24,2	25,5

^{1, 2, 4} – вычислено по данным Т.И. Алексеевой; ³ – данные автора

Выявляемые на археологическом материале параллели между Верхней Волгой, Смоленской и Новгородской землями не могли не повлиять на дальнейший ход сравнительного анализа, пока он проведен только для мужских черепов (табл. 5). Для сравнения в самом первом приближении нами были взяты краниологические данные по смоленским кривичам XI-XIII вв. (сборная серия)³³, черепам из Гнёздова X – XI вв.³⁴ и новгородским словенам XI-XIII вв. – Хреплё³⁵ и Удрай³⁶. Кроме того, были привлечены данные по городскому населению XIV в., представляющему, на наш взгляд, один из древнейших на Северо-Западе морфологических вариантов (Старая Русса, материалы из кладбища, изученного на Георгиевском II раскопе). В силу ограниченного объёма статьи мы не касаемся здесь работ, в которых обсуждались общие проблемы генезиса и расселения восточнославянских популяций по палеоантропологическим данным.

Таблица 5.

Черпа из Избрижья в сравнении с черепами смоленских кривичей и новгородских словен; мужчины

Признак, № по Мартину	1	2	3	4	5	6
1. Продольный диаметр	184,7	198,0	184,8	183,7	189,6	184,2
8. Поперечный диаметр	133,1	129,3	138,2	143,1	142,2	139,9
8:1. Черепной указатель	71,7	65,5	74,8	78,3	75,7	75,7
17. Высотный диаметр	134,6	142,0	137,9	137,5	138,3	138,1
9. Наим. ширина лба	95,6	95,7	97,7	96,8	98,6	99,5
45. Скуловой диаметр	132,2	123,0	129,8	132,6	135,3	133,7
48. Верхняя высота лица	68,1	67,0	68,8	68,7	72,1	69,9
52. Высота орбиты	32,0	32,7	32,7	31,9	32,3	31,9
54. Ширина носа	25,0	24,7	24,2	23,9	25,3	23,5

1 – Кривичи смоленские, сб., n=43 (Алексеева, 1973); 2 – Гнёздово, n=3 (Алексеева, 1990); 3 – Избрижье, n=10 (Пежемский, наст. раб.); 4 – Хреплё, n=18 (вычислено по данным Г.Ф. Дебеца, 1948); 5 – Удрай, n=5 (Санкина, 2000); 6 – Руса (церковь Вмч. Георгия), n=11 (Пежемский, неопубликованные материалы).

Параллелизм краниологических особенностей Избрижья и суммарной выборки смоленских кривичей прослеживается, однако отличия существенны – это и более широкая мозговая капсула, и, как следствие, бóльший черепной указатель, и более широкий лоб, и заметно более узкое лицо. Таким образом, пока преждевременно говорить о близком сходстве Избрижья с населением Смоленской земли. Допустимо считать, что этот результат будет пересмотрен, так как суммарная выборка смоленских кривичей не отражает всех особенностей краниологического разнообразия Верховьев Днепра. Кроме того, дело, возможно, и в особенностях самого Избрижья, ибо мужчины из Юрятино и Тухино гораздо более близки сум-

³³ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

³⁴ Алексеева Т.И. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.

³⁵ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1948. Т. 4.

³⁶ Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.

марной выборке смоленских кривичей и по ряду признаков практически не отличаются от нее. Несходство Избрижья с населением Смоленщины фиксируется и при сопоставлении с материалами из Гнёздова – здесь мужчины крайне долихокранны, лептоморфны и высокосводны, что, впрочем, отличает их от большинства известных нам выборок (можно предположить, что на их морфологические особенности существенно повлияла посмертная деформация). Что касается материалов с территории Новгородской земли, то близость выбранных серий с Избрижьем прослеживается в большей мере, однако словене обладают несколько более широким и высоким лицом. К тому же стоит отметить отличие серии из Хреплё по характеру строения мозговой капсулы как от Избрижья, так и от других новгородских выборок. Интересно, что по выбранным признакам Избрижье ближе всего стоит к серии из Старой Руссы. Все эти результаты на данном этапе могут быть поняты следующим образом: мужская часть популяции Избрижья представляет собой относительно массивный европеоидный краниологический вариант, наиболее распространенный в северной части Восточной Европы, включая Прибалтику, детальное же его сравнение (на уровне палеопопуляций) должно в будущем прояснить отдельные вопросы генезиса данного населения. Характерно, что отличия Избрижья от смоленских кривичей идентичны таковым для некоторых соседних верхневолжских, но несколько более удалённых популяций (Юрятино и Тухино).

Итак, в погребальном обряде Избрижья зафиксированы черты, имеющие аналогии в синхронных древностях Смоленской и Новгородской земли. Причём аналогии со смоленскими курганами прослеживаются преимущественно в элементах погребального обряда и женских украшениях, а аналогии с древностями Новгородской земли – в отдельных категориях погребального инвентаря, в основном в бытовых предметах, оружии и керамике.

Основа погребального обряда Избрижья тесно связана с курганной традицией Смоленской земли, в свою очередь продолжающей погребальную традицию культуры смоленских длинных курганов. Тесная связь со смоленскими древностями четко прослеживается по материалам женских захоронений, что позволяет выделить особую «женскую» погребальную культуру Избрижья, основанную на сохранении погребальной традиции населения и отражающую его происхождение.

В то же время круг аналогий отдельных категорий вещей Избрижья, прежде всего оружия и бытовых предметов, происходящих из мужских захоронений, указывает на северо-западное направление связей и контактов, в основном с памятниками Новгородской земли и Прибалтики. Таким образом, Верхневолжье, являясь периферийной для Новгорода и западных центров территорией, служило местом притока сюда продукции ремесленников и населения.

По-видимому, избрижская община в своей основе состояла из потомков смоленских кривичей. Именно на участке бассейна Волги на территории современных Ржевского, Zubцовского, Старицкого и Калининского районов Тверской области, в который входит и Избрижский микрорегион, сосредоточены погребальные памятники, для которых наиболее характерны черты погребального обряда кривичей. Возможно, в состав избрижского населения вливались и выходцы из Новгородской земли. Здесь следует отметить, что Избрижье в изучаемый период находи-

лось на пути, соединявшем Новгород и Волок Ламский, по которому и происходило это перемещение³⁷.

По данным предварительного краниологического анализа Избрижье в своей мужской части несколько отличается как от окружающих его верхневолжских, так и от более отдалённых, верхнеднепровских, групп населения и несколько ближе стоит к отдельным популяциям Новгородчины.

Литература:

- Alekiejewa T.* Wschodniosłowiańskie czaszki z kurhanów plemiennych. Wrocław, 1966.
Martin R. *Lerbuch der Anthropologie.* Leipzig, 1928. Bd.1.
- Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика археологических исследований. М., 1964.
Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
Алексеева Т.И. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.
Арсланова Ф.Х. Могильник у села Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988.
Арсланова Ф.Х. Погребальные сооружения кривичей у села Избрижье // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин, 1989.
Арсланова Ф.Х. Погребения под «сводом» у села Избрижье // Плесский сборник. Плес, 1995. Вып. 2. Ч. 1.
Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А. Посуда кривичей Избрижья // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
Арсланова Ф.Х., Ковалец Ю.А. Орнамент древнерусской посуды Избрижья // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь, 1993.
Арсланова Ф.Х. Языческие символы в одежде женщины первой половины XI века (по материалам у с. Избрижье) // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Иваново, 1994. Вып. 1.
Арсланова Ф.Х. Курганы у села Избрижье // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
Арсланова Ф.Х. Могильник у села Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988.
Бунак В.В. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелетах (сравнительная характеристика двух групп) // Вопросы антропологии. М., 1961. Вып. 7.
Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Новая серия. М.; Л., 1948. Т. 4.
Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
Жукова Е.Н. Коллекция керамики Избрижского погребального комплекса // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Минск, 1998. Т. 2.
Жукова Е.Н. Гончарство древнерусской деревни Тверского Поволжья X – XIII вв. // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2.

³⁷ *Малыгин П.Д.* Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, 2007. С. 61, 62.

- Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М.* Типология и хронология новгородской керамики X – XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и новгородская земля: История и археология. М., 2001. Вып. 13.
- Малыгин П.Д.* Археологические памятники Тверской области и история их изучения. Тверь, 2007. С. 61, 62.
- Мамонова Н.Н.* Опыт применения таблиц В.В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблем эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.
- Никольская Т.Н.* Хронологическая классификация верхневолжских курганов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1949. Вып. 30.
- Никольская Т.Н.* Этнические группы Верхнего Поволжья XI – XIII вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л., 1949. Вып. 24. С. 69.
- Санкина С.Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.
- Сафарова И.А.* Бусы Избрижского некрополя // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1999. Вып. 3.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI – XIII вв. / Археология СССР. М., 1982. С. 163.
- Скукина Е.В.* Погребальные памятники Тверского Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Спицын А.А.* Археологический очерк Тверской губернии // Архив ТГОМ. Ф. 3-1. Оп. 1. Д. 267.
- Степанова Ю.В.* Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневолжья X–XIII вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Степанова Ю.В.* К вопросу о хронологии Избрижского погребального комплекса // Краткие сообщения Института археологии. М., 2002. Вып. 213.
- Степанова Ю.В.* Особенности погребального обряда Избрижского некрополя X – XIII вв. // Новоторжский сборник. Торжок, 2004. Вып. 1.
- Степанова Ю.В.* Керамика Избрижского погребального комплекса X – XIII вв. // Краткие сообщения института археологии. М., 2005. Вып. 218.
- Толмачёва М.М.* Предметы вооружения из могильника Избрижье (к проблеме контактов в кузнечном ремесле) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2004. Вып. 4.
- Ширинский С.С.* Отчёт об археологических работах на Верхней Волге за 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 4898.
- Шмидт Е.А.* О некоторых особенностях курганных погребений XI – XIII вв. в земле смоленских кривичей // Новое в археологии. М., 1972.

Stepanova Y.V., Pezhemsky D.V., Zhukova E.N.

OLD RUSSIAN INHABITANTS OF UPPER VOLGA: FUNERAL RITE AND PALEOANTHROPOLOGY (BY THE MATERIALS OF IZBRIZHIE'S BURIAL GROUND)

Summary

The topic of this research is funeral rite and paleoanthropology of Upper Volga's Old Russian inhabitants by the Izbrizhie's burial ground, one of the most studied Old Russian funeral tombstones in Tver region. Summarizing the results of research works on the topic of funeral rite and for the first time anthropological materials, authors came to conclusion that Izbrizhie's materials had analogy in synchronous antiquity with Smolensk (saying about ele-

ments of funeral rite and women's adornments) and Novgorod regions (comparing with household goods, weapons and ceramics). Another conclusion concerns the resemblance of Izbrizhie's masculine part of population with the Novgorod's masculine population in accordance with craniological data. At the heart of the Izbrizhie's community was offspring of Smolensk's krivichy. But persons originated from Novgorod region added this commonness.

Keywords: funerary rite, Ancient Russia, the Upper Volga region, chronology, barrow, burial, jewelry, weapons, ceramics, paleoanthropology, paleodemography
